

Днем синяк в нижней части живота принца казался просто синевато-багровым, но сейчас на нем проступил темный, почти черный красноватый оттенок. От центра в разные стороны расходились сосуды, тоже налившиеся смутной фиолетово-красной синевой.

Лу Цзыяо охватила паника. Позвать лекаря он не смел, поэтому мог лишь успокаивать себя тем, что это знак выздоровления — иначе система не предупредила бы его про процесс пробития каналов Жэнь и Ду.

Каналы Жэнь и Ду открываются не мгновенно. Должно быть, активировалась какая-то точка ниже даньтяня, и теперь жизненная энергия и кровь мечутся по всему телу, пробивая пути.

Вот так, с боем, пробиваются оба канала.

Этот процесс явно был не из легких. За всю свою жизнь толстячок ни разу не выглядел столь измученным.

Малыш отличался не только сглаженным восприятием эмоций, но и к боли был довольно глух.

За свои короткие двенадцать лет толстячок познавал мир лишь через еду, молоко да глупенького Лу Цзыяо, и если уж сейчас на его лице отразилось такое страдание — значит, ему было непередаваемо тяжело.

У Лу Цзыяо от жалости дергался уголок глаза, а в груди словно застрял тяжелый камень, не давая нормально дышать.

Воспитание ребенка — опасная работа. Время, словно воришка, незаметно переливало всю его нежность, привязанность и любовь в тело этого пухлого мальчугана.

— Ваше высочество, животик болит? — тихо спросил Лу Цзыяо.

— Жарко... — Седьмой принц становился все более раздражительным. Повернув голову и тяжело дыша, он указал на полог шатра: — Открой! Живо открой!

Лу Цзыяо поспешно сжал его ладошку и ласково стал уговаривать:

— На улице слишком сильный ветер, а ваше высочество весь в поту. Если открыть, вас продует. Давайте я помашу на вас веером, хорошо?

— Мало... Слишком жарко...

— Потерпите немного, ваше высочество. Проспите до рассвета, и все пройдет.

Седьмой принц явно больше не мог терпеть. С трудом приподнявшись, он со слезами на глазах схватил Лу Цзыяо за запястье:

— Открой, я сказал!

Лу Цзыяо, увидав этот жалобный взгляд, не выдержал — глаза его покраснели.

Увидев, что Лу Цзыяо вот-вот расплачется, седьмой принц в отчаянии снова опустился на постель и пробормотал:

— Мне так жарко... так хочется... так хочется...

Лу Цзыяо торопливо склонился к его уху:

— Чего же вам хочется, ваше высочество?

— Так хочется охлажденного грушевого отвара с древесными грибами... — с мукой произнес седьмой принц.

Лу Цзыяо сквозь слезы улыбнулся:

— Мы же не во дворце! Где я найду для вас охлажденный отвар?

— Ты улыбнулся, — тихо проговорил седьмой принц, не открывая глаз.

Лу Цзыяо опешил. Он только сейчас понял, что слезы застряли в горле благодаря одной лишь фразе мальчугана:

— Ваше высочество нарочно надо мной насмехается?

Седьмой принц ничего не ответил, словно заснул. Должно быть, побоялся, что его маленький компаньон чуть что перепугается и разрыдается, вот и решил отвлечь его внимание, пересиливая собственную боль.

Но Лу Цзыяо всё понимал. Оттого, что пухлый малыш стал таким рассудительным, на душе становилось только тяжелее.

Боясь, что стоит ему открыть рот — и слезы снова хлынут из глаз, Лу Цзыяо тоже умолк. Он лишь раз за разом выжимал влажную ткань, утирая пот с тела толстячка и обмахивая его веером.

Кое-как совладав с чувствами, он дрожащим голосом спросил:

— Ваше высочество, рана болит?

Седьмой принц не открывал глаз. Губы его были смертельно бледны. Он слегка качнул головой.

Лу Цзыяо не унимался:

— Не надо терпеть из последних сил. Правда не болит?

— Если не трогать — не болит.

— А где тогда вам плохо, ваше высочество?

— Жарко.

— А еще?

— Ломит... В голову отдается.

Лу Цзыяо не совсем понял это описание и переспросил:

— Где именно ломит? Давайте я помассирую.

— Везде ломит, — седьмой принц поймал руку Лу Цзыяо и положил себе на синеющий низ

живота, прерывисто дыша. — Здесь жжет... к макушке бьет.

Стоило ладони Лу Цзыяо коснуться раны, как он вздрогнул от испуга.

Откуда такой жар?!

Он дотронулся до других мест: от раны до самой груди тело буквально пылало. Зато руки принца, напротив, были совсем холодными. Казалось, вся кровь в его теле собралась вместе и через точку в дантяне беспрестанно устремлялась к голове по замкнутому кругу.

Судя по всему, самой ране ничто не угрожало, а все мучения вызывала реакция крови и энергии при раскрытии каналов.

Седьмой принц еще немного подышал с закрытыми глазами, но в конце концов не выдержал и сам попросил:

— Позови лекаря.

С самого детства толстячок панически боялся лекарств, терпеть не мог горечь и при любой возможности избегал придворных врачей. И то, что он сам попросил позвать лекаря, означало одно: мука стала невыносимой.

Должно быть, терпеть было уже невмоготу.

Будь это обычный недуг, Лу Цзыяо уже давно помчался бы за лекарем и приволок его сюда на себе. Но системное уведомление четко гласило: помех быть не должно.

Он до смерти боялся случайности, из-за которой удар, полученный толстячком, окажется напрасным.

— Лекарь сказал, что рана вашего высочества не опасна, — пересилив себя, стал убеждать его Лу Цзыяо, опасаясь, что иглоукалывание, банки или снадобья подавят кипение и циркуляцию крови. — Потерпите до рассвета, ваше высочество, и все пройдет. Попробуйте уснуть.

Седьмой принц ничего не ответил и послушно закрыл глаза, пытаясь заснуть.

Это было проявление бесконечного, абсолютного доверия к своему маленькому компаньону. Любой со стороны, увидав такое поведение Лу Цзыяо, решил бы, что тот вознамерился уморить маленького принца.

Ребенок раскалился, точно кусок железа в горне, а его заставляют потерпеть и поспать!..

Однако толстячок был ребенком необычным: хоть и слабеньким, пухлым, но спать умел на славу.

Сцепив зубы и зажмурившись, седьмой принц и впрямь вскоре крепко заснул.

А может, просто лишился сил от боли и провалился в небытие.

Лу Цзыяо провел эту ночь в постоянном страхе. Он десятки раз бегал с медным тазом к ручью за холодной водой, без устали вытирал пот и махал веером, не присев ни на мгновение.

Незаметно наступил рассвет.

Лу Цзыяо привычным движением поднял медный таз и встал, собираясь снова сменить воду.

Но стоило ему подняться, как перед глазами все поплыло и закружилось. Нога оступилась, и он с грохотом повалился на землю вместе с тазом.

Лишь спустя некоторое время мир прекратил вращаться. Лу Цзыяо не стал сразу поднимать таз, боясь разбудить маленького принца, а лишь повернул голову. Седьмой принц все так же безмятежно сопел во сне, и Лу Цзыяо с облегчением выдохнул.

Опираясь о землю и с трудом поднимаясь на ноги, он почувствовал, как затекли ноги и ломит поясницу.

Задание с каналами Жэнь и Ду едва не стоило ему жизни, а в награду дали всего несколько сотен очков искупления!

Когда каналы наконец откроются, толстячок переродится, точно бабочка из кокона, и станет гением боевых искусств, а у него самого спина отваливается от усталости.

Удрученный и обиженный, Лу Цзыяо поднял таз с пола, собрался с силами и вышел за водой.

Вернувшись в шатер, он к своему удивлению обнаружил у ложа лекаря, который прощупывал пульс принца.

Услышав шаги Лу Цзыяо, старый лекарь испуганно обернулся и тут же гневно уставился на него, раздувая усы:

— Ты ли ухаживал за его высочеством этой ночью?! С чего за одну ночь его состояние так ухудшилось?! Заметив неладное, почему ты немедленно не позвал меня для осмотра?!

— Господин лекарь, — Лу Цзыяо поставил таз и почтительно объяснил: — Я спрашивал его высочество. Рана больше не болит. Возможно, ваше вчерашнее иглоукалывание так разогнало кровь и жизненную энергию, что...

— Чушь! Какое еще иглоукалывание даст подобный невероятный эффект?! — Старый лекарь с нескрываемым изумлением уставился на Лу Цзыяо. — Настоящее безумие! Маленькому принцу так плохо, а ты, не обронив ни слова, никому не доложил! Ты сможешь отвечать за это, или, по-твоему, я смогу?! Все свитные лекари из-за тебя головами послетают!

Лу Цзыяо не мог спорить. Объяснить правду было невозможно, да и гневался старый лекарь вполне обоснованно. Парню оставалось лишь покорно опустить голову и выслушивать нахлобучку.

Старый лекарь с самого утра пришел к шатру спросить разрешения освидетельствовать принца, долго стоял, согнувшись, но никто не откликался.

Заподозрив неладное, он слегка приоткрыл полог и не увидел внутри ни одной служанки.

Принц все еще спал, и лекарю пришлось, пренебрегши правилами приличия, войти и прощупать пульс.

И едва он прикоснулся к запястью, как у него в глазах потемнело!

У маленького принца, у которого еще вчера все было в норме, пульс совершенно сбился. Признаков жара на лбу не наблюдалось, однако все тело было необычайно горячим и

покрытым потом.

За десятки лет врачевания он ни разу не сталкивался с подобным! Если состояние принца внезапно ухудшится, лекарю не сносить головы!

Видя, что этот скрытный юноша ведет себя как ни в чем не бывало, лекарь вышел из себя. Он тыкал пальцем в Лу Цзыяо и осыпал его бранью, пока не разбудил спящего позади маленького принца.

Седьмой принц смутно открыл глаза и увидел беловласого старика, который, брызжа слюной, тыкал пальцем в глупенького Лу Цзыяо.

Еще даже не разобравшись, что происходит, седьмой принц произнес хриплым, низким голосом:

— Дерзость.

Старый лекарь мгновенно умолк, поспешно повернулся, кланяясь принцу, и стал объяснять, что этот компаньон утаил состояние больного, из-за чего диагностика задержалась, и за эту вину он заслуживает тысячи смертей.

Седьмой принц, нахмурившись, попытался приподняться. Лу Цзыяо и лекарь тут же кинулись ему помогать.

Сев, седьмой принц сам взял с края ложа веер из пальмовых листьев, стал обмахиваться и прочистил горло:

— В эту поездку за пределы дворца лед брали? Мне невтерпеж как жарко.

Увидев выражение лица толстячка, Лу Цзыяо наконец с легким сердцем вздохнул: тот явно выглядел куда бодрее, чем прошлым вечером.

Системное уведомление сообщало, что прогресс открытия каналов Жэнь и Ду достиг уже семидесяти шести процентов.

Похоже, чем выше процент завершения, тем слабее боль.

Вот только старый лекарь, не ведая подоплеки, смотрел на пульс и температуру маленького принца и понимал: как ни крути, на здорового тот ничуть не похож.

<http://bllate.org/book/18379/1766980>